DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.067
УДК 821.161.1-4 + 94(510)

С. Ши
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СССР В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена проблеме формирования образа Китая и китайской культуры в путевых очерках, опубликованных в СССР в 1920–1930-е гг. При анализе характерных для Китаеведческой очеркистики текстов З. В. Рихтер, Г. И. Серебряковой, А. Ивина, М. Г. Андреева, Н. К. Костарева и П. Вайяна-Кутюрье рассматриваются подходы авторов к китайской культуре, переживающей столкновение традиционного уклада и современных веяний в контексте резких перемен духа времени в Китае в первой трети XX в. Обнаруживаются предпочтения путешественников в описании старозаветных обычаев, социальных проблем в ходе модернизации, зарождения и бурного развития прогрессивных идей и пролетарских, революционных движений в старом Китае. Выявляется динамика конструирования образа Китая и китайской культуры в советской документальной литературе того времени, служащей интересам официальной идеологии советских властей.

На основе анализа делается вывод о том, что образ китайской культуры в советских и иностранных путевых очерках, опубликованных в СССР в 1920–1930-е гг., в значительной степени сформулирован в целях пропаганды советских ценностей и, в этой связи, политизирован. Под влиянием этого образа у советских читателей должно было складываться благоприятное впечатление о китайском народе. Всё это должно было вызывать симпатию к китайским трудящимся, а также способствовать моральной поддержке пролетарской революции в Китае. Такая политизация, как считалось, была призвана также стимулировать укоренение у читателей идеи о том, что именно Советский Союз является колыбелью великих революций, оплотом всемирных пролетарских движений и плацдармом борьбы против империализма и капитализма.

Ключевые слова: образ китайской культуры; путевые очерки; советская документальная литература 1920–1930-х гг.; пропаганда в СССР; политизация литературы.

Образ Китая и китайской культуры присутствует в русской документальной и художественной литературе с XVII в. [см.: Лукин; Романенко]. Русские путешественники подробно описывали свои поездки в Китай, проявляли интерес к его быту и социальным реалиям [см.: Ши]. В первую треть XX в. в Китае в связи с восстаниями, интервенциями, революциями, войнами и сменами правителей резко меняется дух времени. Перелом в социально-политической атмосфере Китая, его взаимодействии с так же резко меняющейся Россией способствовал трансформации образа Китая и китайской культуры в русской словесности. Образ Китая как загадочной закрытой страны с экзотическим укладом жизни,

основанным на глубокой философии, процветает. Одновременно Китай в текстах иностранцев превращается в государство, политика которого непосредственно соотносится с политикой западных великих держав и, в значительной степени, с политикой Советской России и Коминтерна [см.: Писарев; 薛衔天, 金东吉; The Cambridge History of China]. Тенденция к такому видению Китая наблюдается в советской документальной и художественной литературе.

В 1920–1930-е гг. советские журналисты, писатели, ученые, дипломаты и другие деятели бывали в Поднебесной, где шла Эра милитаристов¹, а затем «Золотое десятилетие» (или «Нанкинское десятилетие»)² и первый этап гражданской войны³. Их многочисленные путевые очерки о Китае сильно отличаются друг от друга и по стилистической манере, и по авторским позициям.

В данной статье мы очерчиваем тематику, связанную с формированием образа Китая и его культуры в путевых очерках, опубликованных в СССР в 1920–1930-е гг. Материалом для рассмотрения стали очерки З. В. Рихтер «7000 километров по воздуху» (1926), Г. И. Серебряковой «Зарисовки Китая» (1927), А. Ивина «Письма из Китая» (1926), М. Г. Андреева «В Пекине» (1927), Н. К. Костарева «Мои китайские дневники» (1928) и П. Вайяна-Кутюрье «Париж — Шанхай — Москва — Париж» (1934), которые, на наш взгляд, характерны для китаеведческой очеркистики этого периода.

В 1925 г. писательница и журналистка Зинаида Владимировна Рихтер (1890–1967) побывала в Пекине как участница первого авиaperелета Москва — Монголия — Пекин. В ее книге «7 000 километров по воздуху» описывается европеизированное китайское общество, свидетельствующее о стремлении китайцев к европейской культуре, ставшей модной в Китае с начала века.

Однако в этом быту сохраняется немало традиций и обычаев, таких, как повсеместная экзотическая кухня, сложный этикет и суеверия. З. В. Рихтер уделяет особое внимание социальному статусу китайок, упоминая бинтование ног, брак по договоренности и многоженство, от которых начали избавляться. Например, узнав о полете журналистки, одна из китайок-собеседниц пылко заявила, что она отдала бы все, чтобы только полетать. «Едва научившись ходить и перестав уродовать ноги, китайки уже мечтают летать...» [Рихтер, с. 298] — комментирует это заявление журналистка.

О статусе китайок также пишет Галина Иосифовна Серебрякова⁴ (1905–1980) в книге «Зарисовки Китая» (1927). Помимо бинтования ног, многоженства, брака по договоренности, журналистка поднимает такие проблемы, как

¹ Период с 1916 по 1928 г., когда Китай фактически был поделен милитаристами, получившими поддержку Великих держав и воевавшими между собой. Заканчивается формальным объединением страны в результате успешного Северного похода (1926–1928) Национально-революционной армии Китая.

² Это относительно стабильный период социально-экономического развития в истории Китайской Республики, который начинается с образования Нанкинского национального правительства в 1927 г. и заканчивается началом тотальной войны между Китаем и Японией в 1937 г.

³ Война между Гоминданом (Китайской национальной партией) и Компартией (1927–1937).

⁴ Советская писательница и журналистка, жила в Китае в 1926–1927 гг.

абсолютное подчинение китайнок мужчине, торговля женщинами и неравенство при рождении ребенка: «Отмечают китайцы рождение сына, украшая входную дверь дома; если же родилась девочка, дом безмолвен и погружен в печаль» [Серебрякова, с. 314].

Кроме этого, немалое место в книге уделено описанию суеверий и традиций у китайцев. По мнению автора, китайцы уважают духов и верят в загробную жизнь, поэтому похороны в Китае обычно торжественные и нередко пышные. Независимо от своего богатства и статуса китайцы чтят культ предков.

Что касается китайской свадьбы, то «чем богаче свадьба, тем многочисленнее свадебный кортеж, ценнее красные затянутые шелком носилки, громче музыка, ярче шатер над домом молодой» [Там же].

Сравнивая места прогулок китайской буржуазии и иностранцев с беднейшими кварталами Пекина, автор книги представляет разительный контраст богатого и бедного. Под звуковые вывески бродячих торговцев и ремесленников спешат рикши с утра до вечера по улицам и хутунам⁵ за ничтожную плату. По ее мнению, безнадежная жизнь рикш под угрозой безработицы из-за введения трамвая отчасти похожа на судьбу старого Китая накануне модернизации:

Выход и конец ужасного ремесла двуногих лошадей в коренной ломке всего хозяйственного уклада Китая. Эта ломка уже началась, она быстро меняет лицо старого Пекина и составляет основу революционных потрясений, переживаемых Китаем [Там же, с. 312].

Облик Пекина на пороге современности также присутствует в книге «Письма из Китая» старожила-пекинца А. Ивина⁶, который был непосредственным свидетелем перемен в Китае с 1917 по 1930 г.

С одной стороны, Пекин — это древняя столица с грандиозными дворцами, пагодами, храмами и стенами города, где слышатся пение и музыка китайского театра, ходят караваны, рикши, экипажи, «буцефалы»⁷ и двуколки. Все как в прошлом. Но, с другой стороны, это шумный мегаполис с современными вузами, студенты которых не только организуют кружки по общим интересам, но и активно участвуют в митингах и манифестациях, заявляя свою позицию в политической жизни. Автор книги убежден в том, что «молодой Китай, современный Китай, Китай эпохи великих мировых войн, Октябрьской революции, III Интернационала здесь, в Пекине» [Ивин, с. 265–266].

Сравнивая Китай и Россию, автор обнаруживает много общего у них не только в исторических переживаниях, но и в мыслях, чувствах и миро-созерцании. Одевания, архитектура, поведение и вероисповедание китайцев вызывают у него «смутное чувство близости, родственности, похожести» [Там же, с. 265].

⁵ Кит. *хутун* 'переулок, проезд'.

⁶ Псевдоним советского ученого-китаеведа и публициста Алексея Алексеевича Иванова (1885–1942).

⁷ Легендарный конь Александра Македонского. Здесь имеются в виду кони.

Героем «нового Китая» А. Ивин делает молодежь, подчеркивая общее между социальной жизнью двух стран информацией о том, что студенты читают В. О. Ключевского, т. е. интересуются Россией и ее учеными.

Огромные изменения в жизни древней столицы описываются и в очерке «В Пекине»⁸ историка, экономиста и китаевода Михаила Георгиевича Андреева (1888–1945), который учился в Китае (1913) и вторично побывал там в командировке (1925–1927).

Открытие проездов «Запрещенного города»⁹, появление трамвая, водопровода и канализации — все это признаки обновления жизни. Однако современные услуги по карману далеко не всем пекинцам, не говоря уже о жителях остальных регионов.

М. Г. Андреев наблюдал жизнь туземцев разных социальных слоев и видел большой разрыв между богатыми и бедными. В Эру милитаристов весь Китай был политически нестабилен, что сказывалось на экономическом климате Пекина. В своем очерке экономист изображает, как живут водовозы, уборщики нечистот, рикши, прислуга, уличные торговцы, владельцы лавок, ремесленники, чиновники и студенты, подтверждая пословицу «У богача всегда праздник, а у бедняка и в праздник будни» [Андреев, с. 290].

Уважение к традиционной культуре сохраняется не у всех китайцев. Большинство из них индифферентно относится к религии. Зато упорно сохраняются многочисленные суеверия, старые обычаи и обряды в домашнем быту, на свадьбе и похоронах. Перемены в культуре явно чувствуются у вузовской молодежи, которая мало интересуется отвлеченной наукой и классической китайской литературой, предпочитает новую жизнь, увлекается европейской литературой по гуманитаристике, вливается в споры по политическим вопросам.

М. Г. Андреев построил очерк на типичном для советских описаний своего собственного дореволюционного / послереволюционного опыта противопоставлении старого и нового. При этом, как и многие советские авторы-современники, пишущие об СССР, он не только с удовлетворением фиксирует приметы нового, но и отмечает сложность его становления, противоречивость повседневной жизни переходной эпохи.

Другим регионам посвящена очерковая книга «Мои китайские дневники» (1928), написанная по итогам путешествия политического деятеля, поэта, журналиста Николая Константиновича Костарева (1893–1941) в Китай в 1927 г.

Автор книги сталкивается с крупными историческими событиями: уже в первые дни в Шанхае его встречают кровавая расправа с всеобщей забастовкой, иностранная интервенция и бунт рабочих. Упомянув книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»¹⁰, он сравнивает Шанхайское восстание с Октябрьской революцией и пишет, что «Китай сейчас переживает начало

⁸ Был опубликован в советском журнале «Красная новь» (1927, № 5).

⁹ Т. е. «Запретный город» — императорский дворец в Пекине. Был недоступным для простых людей.

¹⁰ Очерковая книга американского журналиста Джона Рида об Октябрьской революции.

великих десяти дней» [Костарев, с. 24]. Попад в политический водоворот Китая, советский корреспондент подражает книге предшественника, излагая хронику событий, описывая горестную жизнь рабочих, крестьян, кули, рикшей и детей на фабриках, выражая симпатию им и ненависть к капиталистам, завоевателям и реакционным силам, воспевая китайскую революцию.

В отличие от очерков вышеупомянутых советских авторов, текст Н. К. Костарева обладает ярко выраженным агитационным характером. Политическая позиция проявляется едва ли не на всех страницах книги: автор критикует буржуазную жизнь в иностранных концессиях, рабство в «цивилизованном» мегаполисе, беспощадных констеблей, русских белогвардейцев, контрреволюцию и т. д.; оказывает моральную поддержку рабочим и крестьянам, которые «готовы встать на защиту китайской революции» [Там же, с. 93].

Например, «с болью и ненавистью» вспоминая бокс в Шанхае, автор рассказывает о спектакле в Москве по мотивам романа Джека Лондона: в матче между «классовыми врагами» — американским боксером и рабочим-мексиканцем — последний выигрывает приз, чтобы выкупить оружие для восстания, в результате чего «восстала вся Мексика». Дальше описываются жестокие боксерские бои в Шанхае между представителями разных наций, зрителями которых являются иностранные джентльмены и солдаты. Выйдя на улицу, журналист все еще не может поверить, что событие, подобное варварским бою гладиаторов и бою быков, «было *сегодня...* в Шанхае... В Шанхае интервенции... В Шанхае “культурных наций”. ...*Там* — в Шанхае завоевателей». Выразив свою злость, автор продолжает с надеждой:

А здесь, на улицах и площадях и набережных, был Китай, вздыбленный и взволнованный, и такой огромный, страшный и загадочный для этих иностранных джентльменов. Китай сегодняшнего дня. Китай, у которого есть тоже свой бокс и имя которому — революция! [Там же, с. 208].

В деревнях провинции Хэнань журналиста сильно впечатляют «Красные пики»¹¹: «это самые обыкновенные крестьяне-“землеробы”, которые в обстановке разбойнической генеральской войны вооружились пиками и защищают свое немудреное хозяйство, посевы и жизнь» [Там же, с. 104]. Однако помимо храбрости, автору очевидны такие их недостатки, как невежественность и непостижимые суеверия: они безоговорочно верят «учителям», агитирующим за борьбу, читают молитву-заклинание от пуль, совершают «дикарские» обряды перед боем. Автор книги делает вывод о том, что, несмотря на это, «Красные пики» — «страшная народная сила», нужно «организовать ее вместе с пролетарским городом и бросить железными батальонами на всех и всяких генералов — врагов китайской революции» [Там же].

¹¹ Или Хунцянхуэй (кит. 紅槍會 «Общество красных пик»). Об этой организации см.: [鄭建生].

Говоря о путевых очерках о Китае, опубликованных в СССР, стоит также упомянуть «Париж — Шанхай — Москва — Париж» Поля Вайяна-Кутюрье¹², русский перевод которого был напечатан в уральском литературном журнале «Штурм» в 1934 г.

Как и Н. К. Костарев, французский писатель выражает симпатию трудящимся и ненависть капиталистам. Он пишет, что на фабриках и заводах Шанхая работают миллионы бедных рабочих в наихудших условиях почти без выходных и перерывов, в том числе много детей. Крестьяне теряют урожаи и имущество из-за стихийных бедствий, саранчи, бандитов и др. В результате, в деревнях нередко идет торговля детьми. Ужасная жизнь подталкивает бедняков к сопротивлению. Такова судьба крестьянина Чена в очерке. После продажи дочери и смерти жены он становится красным партизаном.

Автор очерка высоко оценивает образование Красной армии в Китае, которая, по его мнению, выступает против капитализма и несет надежду бедным. Он создает образ бесстрашных красноармейцев, сражающихся против гоминдановских войск, и уверен в том, что советское правительство Китая¹³ освободит народ от всех бедствий.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Восток находился под гнетом империализма, Запад переживал Великую депрессию, а СССР был сосредоточен на индустриализации. Советский Союз, достигший побед в строительстве социализма, должен был, по мнению его руководства, стать образцом для всех народов мира. Советская журналистика была призвана транслировать эту идею. Также был сформирован пул «проверенных» зарубежных авторов, которых использовали для пропаганды советской идеологии [см.: Куликова], подобно тому, как в промышленности СССР использовали иностранных специалистов [см.: Павлова].

Освободительные движения других народов, в том числе гражданская война в Китае, воспринимались в СССР как демонстрация классового противоречия между буржуазией и пролетариатом. Вайян-Кутюрье как раз сосредоточивает внимание на изображении классовой борьбы на Востоке, так что его текст, безусловно, отвечает требованиям советской власти. Он несет в себе своеобразие принятого в советской прессе идеологически детерминированного изображения другого мира. Показывать специфичность чужого кажется бессмысленным, так как «меняются лишь окрестности, краски пейзажа, но все время перед тобой остается уродливое лицо империализма» [Вайян-Кутюрье, № 1, с. 154; см.: Литовская, Ши, с. 147].

В изучаемых нами очерках видно отчетливое противоречие, характерное для советской литературы 1920–1930-х гг. Традиционная китайская культура,

¹² Поль Вайян-Кутюрье (фр. *Paul Vaillant-Couturier*, 1892–1937) — французский писатель, журналист и политик.

¹³ Т. е. Китайская Советская Республика, образованная на основе Центрального советского района на юге Китая в 1931 г. [см. об этом: Эренбург].

которая советским читателям уже на каком-то, пусть даже совсем поверхностном уровне была известна, привлекала очеркистов своей уникальностью, необычностью и, наконец, скрытой за ней жизненной философией. Но, говоря об этой культуре как о совокупности противоречащих современности старозаветных традиций, авторы пристально фиксировали приметы того, что условно можно назвать «прогрессивным» или европейским. И в том, и в другом они видели признаки революционности. Сплав традиционного и прогрессивного, проявляется ли он в виде столкновения старого / нового, китайского традиционного / нового европейского или богатого / бедного в китайском обществе, по мнению авторов очерков, демонстрирует революционные сдвиги в мире. Китай, таким образом, оказывался своеобразным зеркалом послереволюционной России.

Путевые очерки, являясь одновременно непосредственными свидетельствами очевидцев и текстами, связанными с советской пропагандой самим фактом своей публикации в СССР, оказали сильное влияние на представление советских людей о Китае и китайцах, определив набор признаков «китайскости» и характер отношения к ним. Кроме того, они актуальны для изучения китайской культуры этого периода и особенностей ее восприятия.

Уже в XIX — начале XX в. образ Китая и его культуры у русских путешественников был тесно связан с переменчивой политической и социально-экономической обстановкой в Китае и взаимоотношениями между Россией и Китаем [Ши, с. 286]. В 1920–1930-е гг. эта связь становится еще теснее. При этом опубликованные в СССР путевые очерки о Китае, помимо возбуждения доброго чувства к китайскому народу, симпатии к китайским трудящимся и моральной поддержки пролетарской революции в Китае, способствовали укоренению в широком кругу советских читателей идеи о том, что именно Советский Союз является колыбелью великих революций, оплотом всемирных пролетарских движений и плацдармом борьбы против империализма и капитализма. Политизация в создании образа другого народа и его культуры связана с идеологической целью очерков — показать революционирующий Китай как продолжателя дела СССР.

Андреев М. Г. В Пекине // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М. : Алгоритм, 2008. С. 267–292.

Вайян-Кутюрье П. Париж — Шанхай — Москва — Париж / пер. Н. К. Котова // Штурм. 1934. № 1. С. 154–165; № 2. С. 100–116.

Ивин А. Из книги «Письма из Китая» // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М. : Алгоритм, 2008. С. 262–266.

Костарев Н. К. Мои китайские дневники. 5-е изд. Л. : Изд-во писателей Ленинграда, 1935.

Куликова Г. Б. Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отч. история. 2003. № 4. С. 43–59.

Литовская М. А., Ши С. Китай и китайцы на страницах уральских периодических изданий 1920–1930-х гг. // Урал. ист. вестн. 2016. № 2 (51). С. 143–151.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М. : Восток-Запад : АСТ, 2007.

Павлова В. В. Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х — 30-е годы) // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 873–878.

Писарев А. А. Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.) // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М. : Весь мир, 2013. С. 119–216.

Рихтер З. В. Из книги «7000 километров по воздуху» // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М. : Алгоритм, 2008. С. 293–307.

Романенко А. Д. Близкий и далекий мир // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М. : Алгоритм, 2008. С. 5–16.

Серебрякова Г. И. Из книги «Зарисовки Китая» // Китай у русских писателей / сост. А. Д. Романенко. М. : Алгоритм, 2008. С. 308–319.

Ши С. Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX — начала XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 4 (46). С. 280–287.

Эренбург Г. Советский Китай. М. : Партийное изд-во, 1934.

The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China 1912–1949. Part 1 / ed. by J. K. Fairbank. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983.

薛衔天, 金东吉. 民国时期中苏关系史: 1917–1949. 北京 : 中共党史出版社, 2009.

鄭建生. 國民革命中的農民運動—以武漢政權為中心的探討. 國立政治大學博士論文. 2007.

Поступила в редакцию 20.02.2017

Принята к печати 03.10.2017

Ши Сяолун

аспирант

кафедры русской и зарубежной литературы
преподаватель кафедры иностранных
языков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: mail_sino@mail.ru

Shi, Xiaolong

PhD Student

Chair of Russian and Foreign Literature
Lecturer, Chair of Foreign Languages
Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia

Email: mail_sino@mail.ru

THE IMAGE OF CHINESE CULTURE IN TRAVEL NOTES PUBLISHED IN THE USSR IN THE 1920s AND 1930s

This article considers the formation of the image of China and Chinese culture in travel notes published in the Soviet Union in the 1920s and 1930s. While analysing typical texts on China by Z. V. Richter, G. I. Serebryakova, A. Ivin, M. G. Andreev, N. K. Kostarev and Paul Vaillant-Couturier, the author considers different approaches of the writers to the Chinese culture which faced an encounter of the traditional life-style and modern trends in the context of a radical change in the zeitgeist in China in the first third of the 20th century. It is discovered that the travellers had preferences in describing old customs, social issues under modernisation processes, the origin and the rapid development of progressive ideas and proletarian revolutionary movements in old China. The author reveals the dynamics of the construction of the image of China and Chinese culture in Soviet non-fiction of that period, which served the interests of Soviet official ideology.

Based on the analysis, the author concludes that the image of Chinese culture in Soviet and foreign travel notes published in the USSR in the 1920s and 1930s was largely formulated for the purpose of propaganda of Soviet values and hence was politicised. Under the influence of this image, Soviet readers were supposed to form a good impression of the Chinese people, express sympathy to the Chinese labourers and moral support for the proletarian revolution in China. This kind of politicisation was also supposed to stimulate the rooting of the idea that it was the Soviet Union that was the cradle of great revolutions, the stronghold of the world proletarian movements and the springboard of the struggle against imperialism and capitalism.

Key words: image of Chinese culture; travel notes; Soviet non-fiction of the 1920s and 1930s; propaganda in the USSR; politicisation of literature.

Andreev, M. G. (2008). V Pekine [In Beijing]. In A. D. Romanenko (Ed.), *Kitai u russkikh pisatelei* [China in Russian Writers' Works] (pp. 267–292). Moscow: Algoritm. (In Russian)

Cheng, C. (2007). *Kuomin k'eming chung tê nungmin yüntung — i Wuhan ch'engch'üan wei chunghsin tê t'ant'ao* [Peasant Movements in the National Revolution: With the Wuhan Regime as an Object of Research] (doctoral dissertation). Taipei: National Chengchi University. (In Chinese)

Ehrenburg, G. (1934). *Sovetskii Kitai* [Soviet China]. Moscow: Partiinoe izd-vo. (In Russian)

Fairbank, J. K. (Ed.). (1983). *The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China 1912–1949* (Part 1). Cambridge: Cambridge University Press.

Ivin, A. (2008). Iz knigi “Pis'ma iz Kitaia” [From the Book *Letters from China*]. In A. D. Romanenko (Ed.), *Kitai u russkikh pisatelei* [China in Russian Writers' Works] (pp. 262–266). Moscow: Algoritm. (In Russian)

Kostarev, N. K. (1935). *Moi kitaiskie dnevniki* [My Chinese Diary] (5th ed.). Leningrad: Izd-vo pisatelei Leningrada. (In Russian)

Kulikova, G. B. (2003). Pod kontrolem gosudarstva: prebyvanie v SSSR inostrannykh pisatelei v 1920–1930-kh godakh [Under the State Control: The Visits of Foreign Writers to the USSR in the 1920s–1930s]. *Otechestvennaya istoriya*, 4, 43–59. (In Russian)

Litovskaya, M. A., & Shi, X. (2016). Kitai i kitaitsy na stranitsakh ural'skikh periodicheskikh izdaniy 1920–1930-kh gg. [China and the Chinese in the Ural Periodicals of the 1920s–1930s]. *Ural'skii istoriceski vestnik*, 2 (51), 143–151. (In Russian)

Lukin, A. V. (2007). *Medved' nabliudaet za drakonom. Obraz Kitaia v Rossii v XVII–XXI vekakh* [The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th and 21st Centuries]. Moscow: Vostok-Zapad, AST. (In Russian)

Pavlova, V. V. (2012). Povsednevnost' i byt inostrannykh rabochikh i spetsialistov v Soiuze SSR (konets 1920-kh — 30-e gody) [Daily Life of Immigrant Workers and Professionals in the Soviet Union in the Late 1920s and Early 1930s]. *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 27, 873–878. (In Russian)

Pisarev, A. A. (2013). Epokha grazhdanskikh voyn i revoliutsii. SSSR i respublikanskii Kitai (s 1917 do 1949 g.) [The Epoch of Civil Wars and Revolutions. The USSR and the Republic of China (From 1917 to 1949)]. In A. V. Lukin (Ed.), *Rossia i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviia. Istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Contemporary Conditions and Perspectives on the Development of Russo-Chinese Relations] (pp. 119–216). Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Richter, Z. V. (2008). Iz knigi “7000 kilometrov po vozdukh” [From the Book *7000 Kilometres by Air*]. In A. D. Romanenko (Ed.), *Kitai u russkikh pisatelei* [China by Russian Writers] (pp. 293–307). Moscow: Algoritm. (In Russian)

Romanenko, A. D. (2008). Blizkii i dalekii mir [A Near and Distant World]. In A. D. Romanenko (Ed.), *Kitai u russkikh pisatelei* [China in Russian Writers' Works] (pp. 5–16). Moscow: Algoritm. (In Russian)

Serebryakova, G. I. (2008). Iz knigi "Zarisovki Kitaia" [From the Book *Sketches of China*]. In A. D. Romanenko (Ed.), *Kitai u russkikh pisatelei* [China in Russian Writers' Works] (pp. 308–319). Moscow: Algoritm. (In Russian)

Shi, X. (2016). Obraz Kitaia i kitaitsev v proizvedeniiakh russkikh puteshestvennikov XIX – nachala XX veka [The Image of China and the Chinese in the Works of Russian Travellers in the 19th and Early 20th Centuries]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 4 (46), 280–287. (In Russian)

Vaillant-Couturier, P. (1934). Parizh – Shankhai – Moskva – Parizh [Paris – Shanghai – Moscow – Paris]. N. K. Kotov (Transl.). *Shturm*, 1, 154–165; 2, 100–116. (In Russian)

Xue, X., & Jin, D. (2009). *Minguo shiqi Zhongsu guanxi shi: 1917–1949* [The History of Sino-Soviet Relations in the Period of the Republic of China: 1917–1949]. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe. (In Chinese)

Submitted on 20 February, 2017

Accepted on 03 October, 2017